

ТЕМА СОЦИАЛЬНОГО ПРИЗНАНИЯ В РАБОТАХ А. ХОННЕТА¹

Р. В. Пеннер

*Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)*

Поступила в редакцию 16 октября 2023 г.

Аннотация: будучи существом социальным, человек нуждается в Другом; в признании Другой легитимирует существование Я в социуме. Сама проблема признания и сопутствующий ей феномен социальной борьбы за признание были артикулированы в эпоху Нового времени, работах Т. Гоббса и Дж. Локка об истоках государственной власти. В теории А. Хоннета социальное признание явлено в трех само-: самоуверенности (отношения Я в семье), самоуважении (отношения, регулируемые правом) и самолюбии (отношения Я с единомышленниками). Работы А. Хоннета, как правило, используется в исследованиях по правовозрождению. Несмотря на то что немногие работы мыслителя переведены на русский язык, все чаще к ним обращаются представители отличных от права дискурсивных практик, в том числе философии и психологии, которые оформляют проблему социального признания в контексте понимания человека в контемпоральных цифровых реалиях.

Ключевые слова: социальное признание, А. Хоннет, Франкфуртская школа, цифровое, цифровая антропология, цифровая эпоха.

Abstract: as a social being, a person needs the Other; in recognition, the Other legitimizes the existence of the Self in society. The problem of recognition itself and the accompanying phenomenon of social struggle for recognition were articulated in the modern era, in the works by T. Hobbes and J. Locke on the origins of state power. In theory of A. Honneth social recognition is manifested in three self-confidence (relationships of the self in the family), self-respect (relationships regulated by law) and self-esteem (relationships of the self with like-minded people). The work by A. Honneth is usually used in studies of legal genesis. Despite the fact that few of the thinker's works have been translated into Russian, they are increasingly being addressed by representatives of discursive practices other than law, including philosophy and psychology, which, among other things, formulate the problem of social recognition in the context of understanding a person in contemporary digital realities.

Ключевые слова: social recognition, A. Honneth, Frankfurt School, digital, digital anthropology, digital age.

Проблематика социального признания в разные исторические периоды обнажается в философском дискурсе. Этот процесс актуализируется в цифровую эпоху, когда социальные субъекты ориентированы на признание не только в мире реальных предметов, оффлайне, но и в пространстве виртуальных контактов, в онлайн. А. Хоннет, лидер третьего поколения Франкфуртской школы, является одним из первых, кто актуализировал тему социального признания в контексте кризиса субъекта и субъектности. В то время как его учитель и предшественник на посту директора Института социальных исследований Ю. Хабермас констатировал завершение эпохи Модерна, а с ней и проблематизацию статуса субъекта, А. Хоннет не только выступал с позицией «за» субъекта, но и акцентировал внимание на его социальной природе, которая существует во взаимодействии с

Другим и в так называемой психической потребности, проявляющейся в желании получить от Другого признание своего существования, фиксации своих успехов и достижений.

А. Хоннет разрабатывает проблему признания (в оригинале *Anerkennung*) с 1990-х гг. За это время под его авторством вышло несколько монографий и более пяти десятка статей. Тем не менее неким эталоном по теме остается его первая работа, книга 1992 г. «*Kampf um Anerkennung*» (в англ. переводе она звучит как «*The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*» [1], на русский ее можно перевести как «Борьба за признание»). Некоторые работы А. Хоннета переведены на русский язык. Среди них политико-философская рукопись «Идея социализма. Попытка актуализации», в которой автор предлагает проект «обновления» социализма «в соответствии с потребностями XXI века» [2, с. 3]; в статье «Мораль в “Капитале”». Попытка пересмотра марксистской критики политической экономики он обращается к идеям К. Маркса о морали в контексте коллективных действий и капита-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-2592.2022.2 «Цифровая антропология: теоретические и прикладные аспекты».

© Пеннер Р. В., 2024

листических практик для построения «практически ориентированной социальной теории» [3]; наконец, в работе «Невидимость: об эпистемологии признания» А. Хоннет обозначает проблему признания в отношении к феномену невидимости, который реализуется в двух модусах, физическом и метафорическом [4].

Социальная борьба субъекта за признание отсылает к идее о естественном состоянии, которую мыслители эпохи Нового времени развивали в рамках размышлений об атомистической природе человека. В отличие от своих предшественников А. Хоннет делает акцент не на самой борьбе, но на возможности понимания друг друга, что складывается в лоне противоборства субъектов, и порождает следствие – установление субъектами взаимного признания. Первым развернул сюжет социальной борьбы Н. Макиавелли; он увидел субъекта в качестве эгоцентричного существа, кем движут, прежде всего, интересы собственной безопасности и выгоды. Его субъект реализует «зверскую» натуру в борьбе за гармонию своего индивидуального существования [5].

Т. Гоббс во многом продолжает социальную-политическую линию Н. Макиавелли. В понимании общественной динамики он также исходит из идеи конкуренции субъектов. Вместе с тем мыслитель предлагает новое понимание самого субъекта, он утверждает его механистическую природу [6]. Центральной темой «Левиафана» является положение о войне всех против всех. Люди неслучайно делегируют свою власть «библейскому чудовищу». Естественное состояние субъекта есть состояние непрерывной войны. Единственным способом остановить эту войну является договор с другими субъектами. Так, Т. Гоббс, чуть позже Дж. Локк, констатируют рождение государства, что «чудовищно» по своей природе, и, тем не менее, способно обуздать «звериную» натуру человека. В государстве поведение субъекта как гражданина обретает легитимные формы.

По А. Хоннету, идея межличностной борьбы, заимствованной Г. Гегелем в начале XIX в. у Т. Гоббса, становится для немецкого классика отправной точкой для построения социальной теории [7]. В сочинениях йенского периода Г. Гегеля повторяется тема полиса. Полис выступает своеобразной «разметкой» идеального общества. Следуя за Г. Гегелем, А. Хоннет подчеркивает, что по своему строению общество аналогично организму как живому сплетению «всеобщей и индивидуальной свободы» [1, р. 13]. В этом – принципиальное расхождение Г. Гегеля со сторонниками концепции социальной борьбы; общество не ограничивает индивидуальный потенциал субъекта, наоборот, оно создает условия, при которых реализуются свобода каждого. Свобода

субъекта, по Г. Гегелю, глубоко социальна по своей природе; она реализуется в сетях коммуникации, нравах и обычаях.

В контексте размышлений о признании А. Хоннет ведет речь о свободном и деятельном субъекте, а также о его идентичности. В процессе формирования идентичности субъекта А. Хоннет выделяет три компонента: *self-confidence*, *self-respect* и *self-esteem*, что могут быть переведены как «самоуверенность», «самоуважение», «самолюбие». Это способы отношения к себе, которые субъект фактически вырабатывает на практике, во взаимодействии с другими субъектами, т. е. интерсубъективно.

Интерсубъективные отношения последовательно реализуются на трех уровнях. Первый включает отношения, складывающиеся в границах семьи и представлены, прежде всего, связью матери с ребенком. Второй включает автономию субъекта на правовом уровне, гарантирует права и свободы субъекта. Третий предполагает инклюзию субъекта в так называемые группы единомышленников (наподобие системы сильных социальных связей, что формируются за пределами родственных отношений), с тем, с кем субъект разделяет общие ценности и жизненные установки (например, с друзьями или коллегами).

По А. Хоннету, три уровня социальных отношений формируют «моральную грамматику» социальных конфликтов. Философ неслучайно фокусирует свое внимание на конфликтности как необходимом элементе в конструкции социального признания. Признание не дается и не выдается субъекту, оно не выходит за рамки социального процесса, разворачивающегося в истории. Признания субъект достигает или добивается, что происходит, в том числе, в условиях социальной борьбы, которая может быть обусловлена социальным отказом субъекту в признании. Из ответного на отказ чувства возмущения субъект формирует определенную систему действий, которая впоследствии должна быть соотнесена с «пулом» уже существующих и юридически зафиксированных социальных договоренностей.

А. Хоннет использует концепцию борьбы за признание Г. Гегеля при построении своей критической социальной теории. Но Г. Гегеля привлекали не столько социальные реалии (субъекты и группы), сколько абстрактные сущности (Абсолютный Дух, всеобщая Воля). Возможно, поэтому А. Хоннет укрепляет свою теорию посредством обращения к социальной психологии, прежде всего, в ее прочтении Дж. Г. Мидом.

В теории социализации Дж. Г. Мида есть установка на то, что социальное предшествует индивидуальному. Вместе с тем, социальные требования и нормы представлены уникально в каждом индиви-

дуальном опыте. В развитии идеи индивидуального опыта Дж. Г. Мид сформулировал концепцию «Я» [8]. Согласно его позиции, Я субъекта двухчастное; следует различать «меня» ("me") и непосредственное «Я» ("I"). Первое отражает сиюминутные действия субъекта; это то, как субъект представлен; точнее, как он полагает, что его видит Другой. В свою очередь, «Я» указывает на внутренний опыт субъекта; то, как он осмысляет свое Я изнутри [1, р. 74]. «Меня» есть только часть Я, что выходит на поверхность в интересующем взаимодействии. Само Я, в свою очередь, указывает на то, что невозможно уложить в рамки предмета наблюдения, «но сам разговорный (континуальный) характер внутреннего опыта», что всякий раз оказывается «вне поля зрения самого себя» [8]. По Дж. Г. Миду, взаимодействие людей выстраивается на взаимном уважении. Солидарность оформляется, в том числе, при следовании субъектом общегрупповым целям и ценностям. В этом смысле члены группы экзистенциально близки друг другу, они заботятся друг о друге и, вместе с тем, совместно вступают в т.н. «зоны риска».

Сама проблематика признания органично связана с проблемой субъектности: под вопрос ставится не свобода субъекта как таковая, но то, как его принимает социальное целое. В этом – коммунитаристский акцент, проводящий концепцию так называемой «хорошей жизни» («good life» у Дж.Г. Мида), что органично связана с идеями социальной интеграции и правовых норм. Концепция хорошей жизни обретает зримые социальные очертания уже на стадии взаимодействия младенца со своим опекуном. А. Хоннет находит истоки признания в опыте привязанности младенца к матери. Так, Дж. Боулби утверждает сложность процесса взаимоотношений между матерью и ребенком [9]. В поисках так называемого комфорта, именно ребенок формирует уникальный контакт, близость с матерью, что в дальнейшем может выступить для него образцом для иных форм привязанности.

Д. Винникотт продолжает размышления над комплексностью взаимодействия матери с ребенком. В первые годы жизни ребенка физиологически и психологически они составляют с матерью неделимое целое. Вместе с тем, на что указывал еще Г. Гегель, мать с ребенком отличны друг от друга; они не один, но два самостоятельных субъекта. Отсюда вопрос Д. Винникотта, как вывести мать с ребенком из состояния «недифференцированного единства» так, чтобы они продолжали любить друг друга как свободных субъектов [10]. В то же время по Д. Винникотту, в отношениях ребенка с матерью первый шаг в направлении признания должна сделать мать; только после ребенок становится способным воспри-

нимать мать в качестве самостоятельного субъекта, способным отпускать или высвобождать ее из состояния «удержания». В этом горизонте важным становится выход ребенка в состояние «сам по себе», что не отрицает его связи с матерью, но снижает риски агрессивной реакции актантов друг на друга, утверждает движение каждого из них по направлению самостоятельных существ.

Неслучайно А. Хоннет столь подробно останавливается на отношениях ребенка с матерью. В первые годы жизни субъект переживает опыт первичной интересующести и должен получить признание от своего опекуна. Эти отношения закладывают базу для формирования психически здоровой идентичности, того субъекта, что признан в обществе и признает других. Противоположным полюсом для так называемой здоровой идентичности А. Хоннет именуется «ранами», или «шрамами», или «травмами» непризнания. Иллюстрации ран – это пытки и изнасилование. Раны в заданной рамке выполняют роль заболеваний, что истощают физическую оболочку субъекта. Вместе с тем, раны указывают на различные форматы социального игнорирования проблем и страхов субъекта, пренебрежения его психологической целостностью. Отсюда важное место в теории социального признания А. Хоннета занимает нормативная компонента, что регулирует отношения между субъектами с позиции социального целого как равных в своей свободе и ответственности перед законом.

Любопытно, что в русскоязычном философском дискурсе проблематика признания не получила существенного развития. Одним из первых, кто обратился к теме признания, был А. В. Кожев. Только изначально сделал он это не на русском, а на французском языке в рамках чтения лекций по Г. Гегелю. По большому счету, А. В. Кожев предшествовал А. Хоннету в новом прочтении Г. Гегеля и в обнаружении проблемы признания в текстах из немецкой классики. Вместе с тем в его внимание попали не ранние работы Г. Гегеля из йенского периода, в знаменитая «Феноменология духа». Интерпретируя идеи Г. Гегеля, А. В. Кожев понимает человеческое бытие сквозь призму желания человека, точнее – желания признания [11, с. 16]. Человеческое здесь оборачивается тем, что обладает интересующей природой, т. е. оно формируется при столкновении, как минимум, двух желаний и соответственно субъектов как носителей этих желаний. Желание признания, по А. В. Кожеву, настолько сильно, что оно приводит субъектов в состояние борьбы. «И только в этой борьбе и посредством борьбы /dans et par/ рождается, укрепляется, разворачивается и раскрывается себе и другим реальность человеческая. Она, следовательно,

но, осуществляется и раскрывается только как «признанная» [там же, с. 16]. Иными словами, человеческое в человеке раскрывается в смертельном противостоянии с Другим, посредством реализации острого желания быть признанным этим Другим.

В русскоязычное пространство А. Хоннет изначально зашел как социальный теоретик. Отсюда его работы попадают на страницы исследований по социологии [12] и социальной теории [13; 14]. Уже в 2016 г. П. С. Кожуховский ввел в отечественный философский дискурс концепцию социального признания [15]. Однако немногие русскоязычные исследователи обращаются к теме признания. Так, например, М.А. Корецкая называет диалектику раба и господина одним из наиболее «влиятельных сюжетов современной философской мысли». Следуя за Г. Гегелем и А. В. Кожевным, она указывает на реактивный характер воли к власти раба, а его триумф в финале истории маркирует как «апофеоз нигилизма “последних людей”» [16]. В. А. Копанева, в свою очередь, актуализирует Г. Гегеля, А. В. Кожева и А. Хоннета в современных российских реалиях. В числе прочего, молодой исследователь предлагает связать признание с техниками герменевтики [17]. Речь идет о признании в самом широком его смысле; признание у В. А. Копаневой не всегда ограничено рамками общества; признавать, в том числе, можно текст и скрытые смыслы, в нем обитающие. Чтобы вывести смыслы из потаенности автор обращается к герменевтическим процедурам.

В другой работе В. А. Копанева рассматривает проблему признания в контексте пандемии COVID-19. Автор предлагает дефинировать признание как «процесс, в ходе которого один субъект артикулирует новое знание о другом и дает ему оценку, вследствие чего между ними возникает общность» [18, с. 89]. Акцент в дефиниции выставлен на общности, точнее – коммуникативной общности, что складывается между субъектами в процессе их социальных контактов. В. А. Копанева любопытно разводит специфику онлайн- и оффлайн-контактов. Следуя весьма распространенному мнению, она утверждает стирание границ между приватным и публичным в онлайн, что, в свою очередь, приводит к утрате иерархии во взаимодействии субъектов и, наконец, к определенной дезориентации субъекта. Оффлайн-контакты, в свою очередь, соблюдают так называемый принцип «горизонтальности». Иными словами, в оффлайн-взаимодействии с другими субъект осознает свое место в конкретном коммуникативном акте и выстраивает систему поведения сквозь призму этого знания. Как результат – его усилия вознаграждаются, он получает признание Другого, что, в числе прочего, выражается на уровне ощуще-

ний «общности и соприсутствия». Кажется, что столь уверенное разграничение онлайн- и оффлайн-практик нуждается в дальнейшем осмыслении, которое может быть подкреплено эмпирическими данными, например, из социальной психологии.

Некоторые отечественные исследователи обращаются к теме признания, следуя за зарубежными коллегами, в том числе открывая русскоязычному читателю А. Хоннета. Подобный реверанс совершает И. Н. Инишев [19], чуть позже – М. В. Заковоротная [20]. Другие используют фокус признания в работе с близкими исследовательскими темами. Зачастую признание ставят в один ряд с проблемой идентичности. Например, коллектив психологов под руководством Е. И. Рассказовой в лонгитюдном исследовании на основе двух выборок, студентов и работающих, обращается к признанию как к маркеру, что указывает на видение субъектом своей идентичности в некой позитивной эмоциональной окраске, получение им своеобразных доказательств того, что его идентификации соответствуют определенным социальным требованиям [21; 22]. Реже к признанию обращаются в решении конкретно-научных проблем. К примеру, М. Н. Красильникова использует конструкт социального признания с целью иллюстрации «социолого-психологического аспекта теории фреймов И. Гофмана» на религиозном материале [23]. С использованием подобной оптики автор заключает то, как реализуется восприятие социальным целым и отдельными его представителями других этносов и культур, в частности, как воспринимают и соответственно признают мусульман в немусульманских культурах.

Философы из Мурманска, С. В. Шачин и А. Ю. Шачина, актуализируют идеи Франкфуртской школы и философский подход А. Хоннета в своей совместной монографии [24] и в отдельных статьях [25, 26]. В числе прочего, они обосновывают феномен социального признания в его концептуальных связках с социальной справедливостью, идентичностью, индивидуальной и коллективной, социальной свободой и социализмом как вариантом социальной общности, базирующейся на принципах разумности и свободной от социальных патологий.

С. В. Тихонова, в свою очередь, включает теорию социального признания в рамку правогенеза. Показательно то, что именно эта рамка стала органичной для разработки темы признания в русскоязычном исследовательском (прежде всего, правовом) дискурсе. Среди прочего, отечественный философ утверждает, что в теории А. Хоннета «автономия субъекта пересматривается в сторону признания, что означает, что степень автономного поведения зависит от социального окружения и успешности intersубъективных

стратегий индивида в нем» [27, с. 473]. В современных социальных практиках, как минимум, по версии А. Хоннета, субъект прежде социален, и только потом автономен.

А. Хоннет обращается к праву как к своеобразному «антибиотику» в работе с так называемыми ранами непризнания. В избранной им концептуальной рамке наблюдается движение правовой нормы от (охрана субъекта от опасностей внешнего) в направлении этого внешнего, своеобразном трансцендировании субъекта, когда он в конкретном поступке уважает себя и других. Иллюстрацией тому могут служить отношения по типу солидарности, в которых субъект, уважая другого, получает уважение от него в ответ. Солидарность с анонимным другим автоматически устанавливается в условиях внешних социальных коллизий, например, войны, когда в коллективной общности укрепляются чувства солидарности и симпатии к близкому другому, что в контакте *hic et nunc* утрачивает анонимность, оборачивается другом.

Концепция признания, по А. Хоннету, являет собой не только продолжение в развитии идей Франкфуртской школы. Она претендует на основание при построении новой критической теории. Прецеденты на представление процесса социальной трансформации с точки зрения борьбы за признание, по А. Хоннету, прочно вошли в историю философии. Это работы К. Маркса, Ж. Сореля и Ж.-П. Сартра. Сам А. Хоннет заявляет о том, что в работах этих философов понимание социальной борьбы как движение отдельных субъектов и социальных групп за признание только размечено; в его теории, в свою очередь, вместе с разметкой он предлагает своеобразную социально-философскую «начинку». Возможно, поэтому Ф. Фрейенхаген, называет теорию А. Хоннета многослойной, лишенной излишней абстракции немецкого идеализма посредством взаимодействия с социологией и психологией [28].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Honneth A.* The struggle for recognition : the moral grammar of social conflicts // *Studies in contemporary German social thought.* 1996.
2. *Хоннет А.* Идея социализма. Попытка актуализации. М. : Директ-Медиа, 2022.
3. *Хоннет А.* Мораль в «Капитале». Попытка пересмотра марксистской критики политической экономии // *Философские науки.* 2018. № 4. С. 45–61.
4. *Хоннет А.* Невидимость : об эпистемологии признания // *Versus.* 2021. 1(1). С. 194–213.
5. *Макиавелли Н.* Государь. М. : Мартин, 2022.
6. *Гоббс Т.* Левиафан. М. : Рипол-Классик, 2021.
7. *Гегель Г. В. Ф.* Работы разных лет : в 2 т. М. : Мысль, 1972. Т.1. С. 285–386.
8. *Mead G. H.* Mind, Self, and Society. University of Chicago Press; Enlarged edition, 2015.
9. *Bowlby J.* The nature of the child's tie to his mother // *The International Journal of Psycho-Analysis.* 1958. 39(5). P. 350–373.
10. *Winnicott D. W.* The theory of the parent-infant relationship // *The International Journal of Psycho-Analysis.* 1960. 41. P. 585–595.
11. *Кожев А. В.* Введение в чтение Гегеля. СПб. : Наука, 2003.
12. *Кукарцева М. А.* Аксель Хоннет – социальный теоретик и социолог. // *Социологические исследования.* 2014. № 4. С. 38–45.
13. *Павлов А. В.* Социальная теория : постмодернистский поворот – модернистский разворот // *Общественные науки и современность.* 2018. № 5. С. 158–170.
14. *Силва Ж. К. де С., Араужу Нето Ж. А. К.* Аксель Хоннет и теория узнавания : Подход к формированию социальных конфликтов. *Scientia Scripta,* 2021. 72 с.
15. *Кожуховский П. С.* Концепция трех измерений Акселя Хоннета // *Философская мысль.* 2016. № 2. С. 91–104.
16. *Корецкая М. А.* Признание и негативность : полемика вокруг диалектики господина и раба // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии.* 2016. Т. 17, № 3. С. 115–126.
17. *Копанева В. А.* Роль герменевтики в механизме социального признания // *Logos et Praxis.* 2021. Т. 20, № 4. С. 15–20.
18. *Копанева В. А.* Кризис признания в условиях социальной изоляции // *Logos et Praxis.* 2021. Т. 20. № 2. С. 89–94.
19. *Инишев И. Н.* Признание, амнезия и социальные патологии : Хайдеггер и социальная онтология «третьего поколения» франкфуртской школы // *NovaInfo.Ru.* 2011. № 6. С. 46–51.
20. *Заковоротная М. В.* Стратегии социального и культурного признания в эпоху постмодерна // *Ценности и смыслы.* 2016. № 6(46). С. 27–35.
21. *Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш., Емелин В. А.* Идентичность как самоидентичность: индивидуальные вариации ценности завершенности, развития и социального признания идентичности. Сообщение 1 // *Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. Серия: Психология.* 2014. Т. 7. № 4. С. 13–18.
22. *Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш., Емелин В. А.* Идентичность как самоидентичность: индивидуальные вариации ценности завершенности, развития и социального признания идентичности. Сообщение 2 // *Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. Серия: Психология.* 2015. Т. 8. № 1. С. 5–16.
23. *Красильникова М. Н.* Теория фреймов как метод современного религиозоведения: межрелигиозный фрейм и проблема социального признания мусульман в немусульманских обществах // *Studia Religiosa Rossica : научный журнал о религии.* 2021. № 4. С. 70–82.
24. *Шачин С. В., Шачина А. Ю.* Франкфуртская школа и школа постсоветского критического марксизма :

опыт осмысления всемирного кризиса. Красноярск : Науч.-инновац. центр, 2021. 342 с.

25. *Шачин С. В.* К проблеме общественного устройства в эпоху ноономики: опыт синтеза политэкономического подхода С. Бодрунова и социально-философского подхода А. Хоннета и Ю. Хабермаса // Вопросы политической экономии. 2022. № 1. С. 121–134.

26. *Шачин С. В., Шачина А. Ю.* Концепция общества социальной свободы Акселя Хоннета // Журнал социо-

логии и социальной антропологии. 2022. Т. 25, № 1. С. 52–69.

27. *Тихонова С. В.* Аксель Хоннет : пределы правовой свободы // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, № 4. С. 473–479.

28. *Freyenhagen F.* Honneth on Social Pathologies : a Critique, *Critical Horizons* 2015. 16:2. 131–152.

*Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)*

*Пеннер Р. В., кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии*

E:mail: pennerrv@susu.ru

*South Ural State University (National Research
University)*

*Penner R. V., Associate Professor, Associate Professor
at the Department of Philosophy*

E:mail: pennerrv@susu.ru